

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ «АРХИВНАЯ ЛИХОРАДКА»
(ARCHIVE FEVER)? ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ ОРГАНИЗАЦИИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Перевод А. Горак

В статье раскрыты современные тенденции развития мировой науки о документах и архивах. Они связаны с преобразованием этих наук в дисциплины меж-, мульти- и трансдисциплинарные. Речь идет о бюрократии в контексте архивоведения и документоведения (дипломатики), о механизмах документирования в бюрократической организации, которые составляют ее память. Автор также рассматривает вопросы формирования архивной документальной памяти и влияния ее на историческую память и научные представления о прошлом.

Ключевые слова: бюрократия, память, управление, архивное дело, Деррида, Дуранти

Эта статья представляет собой эссе, то есть очерк, что обеспечивает свободу интерпретаций интересующих меня явлений. Это также позволяет реализовать субъективный подход, не всегда соблюдая строгие научные процедуры. Цель статьи – свободная и субъективная попытка отобразить тенденции мировой науки в изучении документов и архивных материалов. Особенно это касается выхода в новые области, что иногда очень удивляет традиционно ориентированных исследователей документов и архивистов. Вкратце, я вижу в этом шанс для превращения наук о документах и архивах в дисциплины меж-, мульти- и трансдисциплинарные. В прошлом году этой теме я посвятил статью в ведущем польском архивном журнале [Skupieński, 2019].

Что касается названия моей статьи, то оно позволяет в той или иной степени привлечь внимание к таким явлениям, как архив и его лихорадка, память и бюрократия. Лихорадку, вслед за Деррида [Derrida, 1996], я рассматриваю не столько как болезнь, а скорее как страсть, нервность, возбуждение и тому подобное. На польском языке можно сказать, что «архивная лихорадка» – это особая страсть к архиву.

Однако я не буду начинать с этого явления. Деррида совершенно не заботится, что архивисты или историки думают о его метафоре архива. Поэтому сначала я рассмотрю области научных размышлений, близкие архивистам и документоведам (дипломатикам). В первую очередь, речь идет о бюрократии, как ее определил Макс Вебер. Среди наиболее важных правил, регулирующих эту форму рационального осуществления законной власти, этот ученый упоминал принцип письменного документирования практически всей ее деятельности. И хотя это правило располагалось в конце списка, я полностью согласен с моим коллегой Артуром Гораком, который заявил, что «письмо-документ является фундаментом и основным инструментом бюрократической системы» [Górak, 2013]. Это нас отсылает к феномену памяти в бюрократической организации. Я не буду подробно останавливаться на

этой теме, потому что правила классической веберовской бюрократии – как думаю – явление широко известное в кругах исследователей документов и архивов.

Однако я хотел бы особо подчеркнуть, что упомянутая проблема также связана с ценностью архивов бюрократических организаций. Это, вероятно, соотносится с принципом сэра Хилари Дженкинсона «святости свидетельств». Он провозгласил его в «Руководстве по управлению архивами», которое впервые было опубликовано в 1922 году в Оксфорде. Говоря об этом, я опираюсь на статью Терри Кука – великого архивариуса из Канады. Она называется «*Прошлое – это пролог. История архивных идей с тысяча восьмисот девяносто восьмого года и будущая смена парадигмы*» [Cook, 1997]. Дженкинсон признал, что архивные документы были полностью объективным отражением той реальности, которая их породила. Поэтому их можно рассматривать как несомненно верные доказательства. Он был убежден, что «карьера архивиста – это служба. Он действует, чтобы позволить другим людям работать.... Его кредо – святость свидетельств; его задача – хранить все доказательства, приложенные к заверенным ему документам; предоставить – без предубеждений и предвзятости, всем желающим – возможность познакомиться с ними. Это можно обобщить следующим образом: “... Хороший архивист, пожалуй, самый бескорыстный поклонник истины в современном мире”» [Ibid, p. 23]. Неудивительно, что британские архивисты считались хранителями истины. Несомненно, это прекрасный, но услужливый термин.

Сегодня это направление развивает Лучиана Дуранти [Duranti, 1989–1992], о которой я уже не раз имел возможность говорить и писать в России. Она анализирует различные виды отношений между фактом и его записью в документе. В то же время она рассматривает методы, с помощью которых бюрократия пытается обеспечить их подлинность и достоверность, а с их помощью – эффективность своей документальной памяти. Однако, в отличие от Дженкинсона, Дуранти не совсем верит в эффективность этих методов. Как и многие другие архивисты XXI века.

Конечно, я могу более подробно рассказать о том, как влияет на достоверность информации ее оборот – создание, передача, архивирование документации – кровеносная система бюрократического аппарата. За неимением времени, я буду ссылаться только на избранные примеры. Позвольте мне начать с цитаты Лучаны Дуранти, которую я считаю это чрезвычайно поучительной. В ней речь идет о различии исторической правды и юридической правды, которая соотносится в реальности с бюрократической документацией. Различие между ними составляет основу дипломатического метода, который в XVII веке был признан эффективным инструментом *vera ac falsa in vestustis membranis*, то есть отделения правды от лжи в старых пергаментных документах. Термин «старые» означал, что они были созданы во второй половине первого тысячелетия от Рождества Христова. Я думаю, что говорю об

известных вещах, поэтому не буду здесь объяснять принципы дипломатической критики. Лишь напомним, что Дюранти считает знание о них необходимым для каждого современного архивариуса и «делопроизводителя», точно так же, как необходимо врачу знание биологии.

Чтобы представить связь между юридическим фактом и актом (или его документальной записью), Дюранти сначала цитирует слова эпитафии, в шутку сочиненной для Карла II, короля Англии и Шотландии, его советником лордом Рочестером. Она звучит так:

«Здесь лежит наш суверенный правитель, король,
на чье обещание никто не полагался.
Он никогда не говорил глупостей,
но и никогда не делал ничего разумного».

Король отнюдь не рассердился на шутку и ответил: «Это чистая правда, что мои слова действительно мои, но мои действия – дело рук моих служителей». Разумеется, речь идет об иерархической системе бюрократии, в которой приказы идут от верхних к нижним уровням управления. Их выполняют подчиненные, действующие от имени правителя. Однако часто выполнение приказов происходит не так, как он ожидал. Если бы король знал о таком повороте событий, он был бы скорее против. Изучая документы, историки пришли к выводу, что подобные случаи не были редкостью при дворе Карла II. Хорошо известно, что в некоторых компаниях фактически правят секретарши руководителей. Их можно назвать шеей, которая крутит головой. Также в других организациях бывает, что реальное влияние в системе управления находится в руках бюрократического аппарата среднего или низшего звена. Примером может служить то, что при написании отчетов подчиненные часто очень хорошо знают, как представить ситуацию, чтобы получить похвалу от руководителя.

В этой краткой статье, как мне кажется, я уже достаточно сказал о механизмах документирования в бюрократической организации, которые составляют ее память. По мнению некоторых, этот механизм идеален, точен и, прежде всего, правдив. Однако в XXI веке это мнение меняется. Поэтому пришлось время кратко объяснить, что я думаю о более важных последствиях «архивной лихорадки» – метафоры Жака Деррида. Вторая часть названия его труда – «Фрейдистское впечатление». Сам текст книги представляет собой лекцию, прочитанную в 1994 году на международной конференции в Лондоне под названием «Память: проблема архивов». Ее организовало Международное общество истории психиатрии и психоанализа, а также Музей Фрейда. Поэтому очевидно, что в этом тексте мы находим деконструктивистский подход к проблеме архивов и памяти. Его можно применять ко множеству возможных интерпретаций и толкований языка и продуктов культуры. Текст и сам язык подчеркивают, как важные смыслы, но также и на то, что они пропускают. Поэтому в основном речь идет о том, как воспринимается

текст. Деррида интересуется, что происходит в результате доступа к понимаемым по-разному архивам. Что мы узнаем тогда и что остается скрытым?

В рамках этого философского подхода автор имеет дело с механизмами забвения, управления памятью и, как следствие, властью над прошлым. Речь идет также о доступности следов прошлого, познавательной ценности документов и процессах их создания. Все эти вопросы рассматриваются в контексте психоанализа, Фрейда и иудейской религиозной рефлексии. Вот цитата, которая меня особенно заинтересовала. Она позволяет получить представление о мировоззрении Деррида. «Представьте себе ... проект общей архивологии, определения, которое не существует, но которое могло бы означать общую и междисциплинарную науку о архивах. Она должна ... включать психоанализ, проект знания, который ... стремится стать общей наукой об архиве, обо всем, что может происходить в экономике памяти и в ее основе, следах, документах и так далее [...]» [Derrida, 2016, s. 52]. На самом деле, если архив связан с памятью, психоанализ, пожалуй, самый точный инструмент для ее изучения. Он обращен не только к тому, что мы сознательно помним. В поисках истоков человеческих комплексов психоанализ помогает проникнуть в подсознание и вывести на поверхность сознания то, что давно забыто и скрыто в его глубинах.

Пора перейти непосредственно к анализу отношений архива и памяти. Я буду ссылаться на текст архивариуса из Национального архива Канады – это Брайен Бротман, который в 2001 г. написал статью под названием «Прошлое, которое охраняют архивы: память, история и сохранение архивных документов» [Brothman, 2001]. Он задает два основных вопроса. Меняет ли прошлое свое значение, когда сталкивается с историей и памятью? Связана ли эта проблема с архивами? Ответ на оба вопроса положительный. Среди прочего Бротман считает, что память — это не место, а процесс. Память — это подбор существующего архивного материала для текущих целей. Архивисты должны признать, что документы являются когнитивными артефактами, а также доказательствами. Он буквально пишет так: «Архивисты должны пересмотреть философию, которая подтверждает их представления о прошлом, сохраненном в архивах. Им следует подумать о том, как их мысли и работа повлияли и повлияют на построение определенных отношений между прошлым и настоящим, а также на циклы и континуумы. Им необходимо переосмыслить свои представления о времени, истории и памяти» [Brothman, 2001, p. 80].

Заканчивая свои размышления, подведу итоги. Лучше всего будет привести цитату из статьи Терри Кука «Модная ерунда или профессиональное возрождение: постмодернизм и практика архивов»:

«Архив сейчас все чаще рассматривается как место, где строилась (и создается) социальная память - обычно для поддержки, сознательно или бессознательно»

знательно, мета-нарратива власти, особенно государства. Принципы архивирования, такие как уважение, также раскрываются как исторически обусловленные, а не универсальные или абсолютные. Запись теперь рассматривается как простой след потерянных вселенных, как своего рода трюк, отражающий факты и прошлые реалии, отражающий нарративные намерения автора и открытость современной аудитории, а также фактическое информационное содержание. Итак, запись становится культурным значением, опосредованной и постоянно меняющейся конструкцией, а не каким-то пустым шаблоном, в который вливаются действия и факты. Это не означает, что нет ничего истинного или что все плывет в море бессмысленного релятивизма. Это основное неправильное толкование постмодернизма. Это означает, что значение связано с контекстом создания записи, что за текстом стоит много других текстов и что архивное посредничество - в установлении стандартов, оценке, направлении комплектования, наведении порядка, создании логических описаний и поощрении определенных типов защиты, использования и публичного программирования - чрезвычайно важно в формировании этого смысла» [Cook, 2001, p. 27].

Список литературы

Brothman B. The Past That Archives Keep: Memory, History, and the Preservation of Archival Records // *Archivaria*. 2001. N 51. P. 48–80. URL: <https://archivaria.ca/index.php/archivaria/article/view/12794/13993> (дата обращения 30.09.2020).

Cook T. Fashionable Nonsense or Professional Rebirth: Postmodernism and the Practice of Archives // *Archivaria*. 2001. N 51. P. 27. URL: <https://archivaria.ca/index.php/archivaria/article/view/12792/13989> (дата обращения 30.09.2020).

Cook T. What is Past is Prologue: A History of Archival Ideas Since 1898, and the Future Paradigm Shift // *Archivaria*. N 43 (Spring 1997). P. 17–48. URL: <https://archivaria.ca/index.php/archivaria/issue/view/402> (дата обращение 30.09.2020).

Derrida J., Prenowitz E. Archive fever. A Freudian Impression // *Diacritics*, Vol. 25, No. 2 (Summer, 1995). Pp. 9–63.

Derrida J. Gorączka archiwum. Impresja freudowska. Warszawa : Instytut Badań Literackich PAN - Wydawnictwo wydania, 2016.

Duranti L. Diplomats: New Uses for an Old Science, ч. I–VI // *Archivaria*. T. 28–33, 1989–1992. URL: <https://archivaria.ca/index.php/archivaria/index> (дата обращения 30.09.2020).

Górak A. Dokument – konstytutywne narzędzie biurokracji // *Dzieje biurokracji*. T. V. 2013. S. 41–50. URL: http://tonik-libra.pl/wp-content/uploads/2018/06/041_Artur-G%C3%B3rak_DB-V.pdf (дата обращение 30.09.2020).

Skupiński K. Polska nauka o archiwach wobec nauki o dokumencie oraz rozwoju inter-, multi- i transdyscyplinarności // *Archeion*. T. CXX. 2019. S. 108–121. URL: <https://www.ejournals.eu/Archeion/2019/120/> (дата обращения 30.09.2020)